

И. А. Сергиевский (Москва)

РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ АРСЕНАЛА ШАТЕЛЬРО

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ курс на взаимные экономические санкции между Европейским Союзом и Российской Федерацией свёл на нет военно-техническое сотрудничество между ними. В частности, пострадали и взаимовыгодные экономические связи между Французской Республикой и Российской Федерацией. В этом плане наибольшую известность получила история с производством для России десантных кораблей типа «Мистраль». В настоящее время трудно назвать возможные сроки возобновления военно-технического взаимодействия между Пятой республикой и Россией.

В этой связи определённый интерес может представлять рассмотрение примеров успешного военно-технического сотрудничества Франции и России в историческом прошлом. Наиболее масштабное и плодотворное взаимодействие между странами в указанной сфере проявилось во второй половине XIX в., особенно после заключения франко-русского союза в 1891 г., который являлся предшественником Антанты.

В настоящей публикации рассмотрены ключевые моменты военно-технического сотрудничества двух стран во второй половине XIX в. на примере французского арсенала Шательро (Manufacture d'armes de Châtellerault).

Статья подготовлена на основе ранее не опубликованных архивных данных из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Тульской

области (ГАТО), Центрального государственного архива Удмуртской Республики (ЦГА УР), Архива Златоустовского городского округа (Архив ЗГО), Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВиВС), а также других источников и литературы.

Передовое французское вооружение с давних пор вызывало интерес у представителей русской военно-технической мысли, особенно постановка его производства на одном из ведущих французских военных предприятий — арсенале в Шательро. Город Шательро с XIV в. являлся одним из главных оружейных центров Франции. В 1819 г. королевским указом в нём был основан специальный государственный арсенал (т. е. оружейный завод). Его изначальная специализация заключалась в производстве холодного оружия, а ближе к середине XIX в. и стрелкового вооружения. Это было связано с переходом стран Западной Европы с ударно-кремнёвого замка стрелкового оружия на его капсюльный (ударный) аналог.

В этой важной военно-технической области Российская империя являлась догоняющей стороной, что прежде всего было связано с дороговизной перестройки ее оружейной промышленности под новый тип замка. В 1845 г. на вооружение русской армии было принято новое капсюльное гладкоствольное пехотное ружье. Одновременно с этим началась переделка ранее изготовленных ударно-кремнёвых ружей в капсюльные. Данные события повлекли существенные изменения отечественного оружейного производства.

В 1847 г. Тульский оружейный завод с инспекцией посетили командир 6-й артиллерийской дивизии генерал-лейтенант Н. О. Сухожанет (со стороны войск) и член Комитета об улучшении штуцеров и ружей полковник Б. Г. Глинка. В своем рапорте руководству Военного министерства они указывали на «весьма значительный брак в ущерб от часто неизбежных неважных отступлений оружейников при ручной отделке» и ходатайствовали «о необходимости введения механических приспособлений» для успешного изготовления новых ружей с капсюльным замком. Члены инспекции предлагали осуществить закупку станков, необходимых для отечественного оружейного производства, на французском арсенале Шательро. Также проверяющие сходились во мнении о необходимости организации стажировки офицеров артиллерийского ведомства за границей «для приобретения

сведений об усовершенствованиях там выделки оружия, весьма полезных и даже необходимых»¹.

В октябре 1847 г. инициатива Н. О. Сухозанета и Б. Г. Глинки получила продолжение, и на заседании Военного Совета Российской империи было принято решение «согласно мнению артиллерийского отделения Военно-учёного комитета, приобрести от французского фабриканта Мальбека, чрез посредство генерального консула в Париже, шесть искусственных точил, употребляющихся в Шательро, по 60 франков за каждый, и потом подвергнуть их испытанию на наших оружейных заводах»².

Реализация данного мероприятия была возложена на главу русской миссии в Париже Н. Д. Киселёва. В конце 1847 г. он докладывал в российскую столицу, что закупку указанного имущества придется отложить на более поздний срок, так как «одно из искусственных точил, употребляющихся в Шательро, лопнуло, о чем производится исследование и придумываются средства к отвращению подобного происшествия»³. Французская революция 1848 г. помешала России осуществить покупку точил с завода Шательро. Николай I негативно воспринял французские события «Весны народов», дипломатические отношения были нарушены: французский посол покинул Петербург, посол же России Н. Д. Киселёв остался в Париже как частное лицо. Военный совет принял решение об отмене заказа точил во Франции.

Несмотря на явное охлаждение отношений между двумя странами в связи с приходом императора Наполеона III к власти во Франции, а также спором по «Восточному вопросу», вылившемуся в Крымскую войну (1853—1856), интерес к французскому вооружению со стороны России не спадал. Так, в самый разгар войны в июле 1855 г. под Севастополем русскими войсками был захвачен образец французской винтовки Тувенена, «коим были вооружены все унтер-офицеры в полках зуавов». Данный экземпляр был передан в образцовую мастерскую Тульского оружейного завода и подвергнут детальному изучению⁴.

Сразу после окончания войны российские военные агенты прибыли во Францию с целью «изучения устройства оружейных фабрик, их производства, вооружения войск ручным огнестрельным оружием и обучения солдат стрельбе». Ими посещались заводы в Сент-Этьене, Мютцихе, Тюлле, Шательро, а также Венсенская стрелковая школа, где русские офицеры не только знакомились с производством, но и проходили двухмесячную

стажировку⁵. Специалисты из России сходились во мнении, что именно французская модель организации артиллерийского и оружейного производства будет наиболее востребована при реформировании русской военной промышленности после неудачной Крымской войны⁶. Как показывают дальнейшие исследования, принципы организации производства и военной приёмки продукции на российских оборонных заводах в своей основе опирались на опыт французских предприятий и одновременно учитывали российскую специфику организации производства⁷.

Изучалось не только огнестрельное, но и холодное оружие, производимое на предприятиях Франции. В конце 1857 г. в соответствии с распоряжением императора Александра II штаб генерал-фельдцейхмейстера закупил по два экземпляра «кирас, палашей, сабель кавалерийских и драгунских, тесаков и пик, выделанных из литой стали на французском оружейном заводе в Шательро, [...] для сравнения оных с оружием, изготовляемым на наших заводах». Образцы французского холодного оружия были переданы Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов, а он в свою очередь направил их на Златоустовскую оружейную фабрику, «дабы сделать сравнительное испытание опытом с оружием, изготовленным на фабрике из литой стали полковника Обухова»⁸.

Лишь весной 1858 г. образцы французского холодного оружия, изготовленного на заводе Шательро, были доставлены в Златоуст. Такая задержка была вызвана ожиданием начала речной навигации, после чего оружие было доставлено на Урал «вместе с транспортом медикаментов». В мае 1858 г. оружейные мастера Златоуста приступили к сравнительным испытаниям продукции двух стран⁹.

Опытные испытания включали в себя как установленную, так и усиленную пробы. К первой относились: стандартный прогиб, «удар с силой о бок деревянного конуса», «рубка сухого твёрдого дерева тремя ударами». Усиленная проба состояла из «прогиба на австрийском станке и рубки железной полосы толщиной в 2 линии» (0,5 см). Испытание же кирас заключалось в «выстрелах из солдатских ружей на расстоянии 20 сажень» (42 м). Вместе с тем решено было уменьшить расстояние до 10 сажень (21 м), так как кирасы отечественного производства легко выдерживали стандартную пробу, следовательно, преодолима она была и для французских образцов¹⁰.

По результатам испытаний было выявлено, что холодное оружие как Шательро, так и Златоуста выдерживает все установленные и усиленные пробы с незначительными отклонениями и по своим качествам не уступает друг другу. Во многом это было достигнуто за счет внедрения в отечественное производство нового способа выделки высококачественной литой стали, который был предложен известным металлургом и управляющим Златоустовской фабрикой П. М. Обуховым¹¹.

В свою очередь и Франция проявляла интерес к военно-техническому сотрудничеству с Россией и рассматривала её в качестве потенциального рынка сбыта своей военной продукции. Так, в 1859 г. фабрика Шательро в лице своего представителя Энтховена предлагала свои услуги русскому правительству в качестве «поставщика пистолетов для офицеров 1-й Армии». Стоит отметить, что данное предложение серьёзно рассматривалось российским военным ведомством, однако должной поддержки в последующем не нашло¹². Как видно, история взаимодействия Военного министерства России с французским арсеналом Шательро имела глубокие корни, поэтому очередное обращение к предприятию Третьей республики было вполне закономерно.

Как известно, в упорной конкурентной борьбе, развернувшейся в 1890—1891 гг. между бельгийцем Л. Наганом и русским изобретателем С. И. Мосиным, право постановки на вооружение русской армии было отдано образцу стрелкового оружия российского конструктора. В апреле 1891 г. винтовка Мосина была принята на вооружение в России¹³.

Текущая на тот момент политическая ситуация способствовала принятию на совещании, прошедшем под главенством военного министра П. С. Ванновского, решения о размещении заказа на изготовление чуть более 500 тыс. экземпляров данной винтовки во Франции¹⁴. Разумеется, из российских военных специалистов никто не сомневался, что основное бремя по переоснащению русской армии должно лечь на плечи российских заводов. Тем не менее, в рамках освоения нового производства изготовление винтовок на иностранном предприятии представляло большой промышленный интерес. В докладной записке от 23 августа 1890 г., то есть еще до принятия на вооружение винтовки образца 1891 г., П. С. Ванновский рапортовал императору Александру III, что «при настоящем курсе нашего рубля винтовки эти обойдутся

не дороже, чем если бы они были изготовлены на наших оружейных заводах, и что самый проект контракта гарантирует наши интересы»¹⁵. У этого решения имелась и политическая подоплека, так как в 1891 г. был заключен франко-русский военный союз, и заказ новейшей русской винтовки во Франции стал его зримым воплощением. На данное обстоятельство в своих мемуарах указывал помощник начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) генерал-лейтенант П. А. Крыжановский, принимавший непосредственное участие в работе комиссии по перевооружению русской армии на винтовку образца 1891 г.¹⁶

Вместе с тем, французская сторона в лице тогдашнего министра иностранных дел А. Рибо гарантировала приоритетный порядок выполнения русского заказа в Шательро¹⁷. Контракт на изготовление 3-линейных винтовок на заводе Шательро был подписан 19 декабря 1891 г. между французским подрядчиком А. Трейлем и русскими представителями генерал-лейтенантом Н. И. Чагиным (член Артиллерийского комитета ГАУ) и бароном Л. А. Фредериксом (русский военный агент во Франции). Согласно ему, подрядчик брал на себя обязательство в течение 37 месяцев изготовить 500 тыс. русских винтовок по цене 59 франков за штуку (25 р.)¹⁸.

Помимо Шательро, выполнением заказа по изготовлению винтовок Мосина занимались и иные французские фирмы. Так, изготовление патронов для пристрелки было поручено фирме Жевело, ящиков и укупорки для ружей — конторе Ле Маршан, инструментов и принадлежностей — заводу Бруно-Гофмарк. Поставкой готовой продукции занималось французское морское агентство Додиарди с завода Шательро по железной дороге до порта Дюнкерхен и далее морским путем до Ревеля. Как сообщал барон Л. А. Фредерикс, «агентство это прежде зарекомендовало себя с весьма хорошей стороны»¹⁹.

Приёмка изготовленных в Шательро винтовок вменялась в обязанности членам специально созданной комиссии, помощь в работе которым было поручено оказывать русскому военному агенту во Франции. Её членами стали опытные специалисты оружейного дела: полковник Н. А. Сокерин (председатель), капитан И. А. Савостьянов, штабс-капитаны князь А. Г. Гагарин, В. И. Гибер фон Грейфендельс и А. И. Холодовский²⁰.

Согласно условиям контракта, «русские артиллерийские офицеры допускались на завод в течение исполнения заказа. Эти

офицеры могли присутствовать при приёме и испытании всех материалов, испытании ружей стрельбою и при поверке готовых ружей, не вмешиваясь, однако в техническую и административную часть производства»²¹. Примечательно, что это был один из первых случаев, когда русским военным приёмщикам пришлось осуществлять свою деятельность за рубежом.

Важно отметить, что русской приёмной комиссии ставились задачи не только по приёмке изготавливаемой продукции, но и по осуществлению промышленного шпионажа, а также закупке необходимого иностранного оборудования для отечественных оружейных заводов. Например, прибывший весной 1892 г. во Францию полковник Н. А. Сокерин сразу же запросил у директора Сент-Этьенского оружейного завода полковника Персена рассмотреть возможность по приобретению стволонарезных станков для русских оружейных заводов. Французы положительно ответили на русскую просьбу, предложив купить 50 станков по цене 2 тыс. франков (850 р.) за каждую единицу. К середине лета 1893 г. станки «с описанием укупорки, фотографиями, чертежами и ведомостями» были подготовлены для отправки в Россию, и после внесения необходимого платежа началась их транспортировка до Тулы и Ижевска²².

Функционировавшая в Шательро в 1892—1895 гг. российская приёмная комиссия принимала за рабочую смену от 0,5 до 1,5 тысяч винтовок. В её компетенцию также входила приёмка изготовлявшихся во Франции патронов и укупорки. Стоит отметить, что уже на начальном этапе производства винтовок процент выявляемого брака укладывался в допустимые 1—4 %²³.

Приняв в 1892—1895 гг. более 500 тысяч произведённых во Франции трёхлинеек, российская сторона, уничтожив техническую документацию, лекала и оснастку, перенесла их дальнейшее производство на отечественные предприятия. Исполнение российского заказа помогло предприятию Шательро пережить кризис и даже увеличить число работающих на нём лиц с 2 до 6 тыс. человек²⁴. Российский император Николай II в знак признательности французским оружейникам подарил г. Шательро изготовленный в Санкт-Петербурге колокол, который после освящения получил наименование «Alexandre Nikolas» (второе его название — «русский колокол»). Известно, что в 1919 г. он звонил в честь вернувшихся с фронта чинов 32-го пехотного полка

французской армии, а в 1944 г. в честь освобождения города от фашистской оккупации²⁵.

В июне 1895 г. в Ораниенбауме на полигоне Офицерской стрелковой школы Артиллерийский комитет ГАУ организовал испытания изготовленных к тому времени винтовок Мосина. От каждого русского завода (Сестрорецкого, Тульского, Ижевского) и французского арсенала Шательро было взято по 10 единиц оружия. При «осмотре винтовок до стрельбы было замечено, что в большинстве винтовок завода Шательро и в некоторых винтовках заводов Сестрорецкого и императорского Тульского наблюдается тугое спускание патронов из обойм в магазин». Далее была проведена пристрелка, оценка живучести деталей и их взаимозаменяемость. В ходе испытаний вопросов к кучности боя не возникло, в то же время винтовки Ижевского и Сестрорецкого оружейных заводов показали больший износ деталей после отстрелки 100 патронов на каждую. Касательно взаимозаменяемости изделий, некоторые проблемы возникли только у винтовок французского производства, а именно: в них «вовсе нельзя было вставить отсекку-отражатель от винтовки Сестрорецкого завода», а от образцов прочих заводов — «лишь с большим усилием». И все же по итогам испытаний Артиллерийский комитет ГАУ «признал, что все винтовки вполне пригодны для боевого вооружения войск»²⁶.

В рассматриваемый период русско-французское военно-техническое сотрудничество не ограничивалось только лишь военной приёмкой производимых винтовок Мосина на французском заводе Шательро. В конце 1892 г. русскими оружейными заводами был поднят вопрос «о выписке опытного французского мастера для установки работ и приготовления инструмента к присланным стволонarezательным станкам, приобретённым от французских оружейных заводов, ввиду того, что стволы, нарезанные на этих станках, не удовлетворяют условиям приёма, и шпалера не нарезают удовлетворительно стволов». Исполнительная комиссия по перевооружению армии согласилась с доводами оружейников, и по просьбе России в начале 1893 г. французский завод в Сент-Этьене направил в Тулу и Ижевск своего мастера — Ж. Коллашо «для установки работ французских стволонarezных станков». Этот специалист проработал по контракту на российских оружейных заводах в течение четырёх месяцев, получив за свою работу 3,2 тыс. франков (1,36 тыс. р.)²⁷.

На аналогичные факты сотрудничества указывает и военный историк Ю. Н. Лещенко. По его данным налаживание производства винтовок Мосина на ведущих российских оборонных предприятиях, в том числе и на Тульском оружейном заводе, также происходило под непосредственным руководством французских специалистов с арсенала Шательро²⁸.

К 1903 г. в сумме было изготовлено 3 401 044 трёхлинейки²⁹, из которых: 28 875 учебных и 1 777 805 боевых винтовок было произведено на Тульском оружейном заводе, 5649 учебных и 428 327 боевых винтовок — на Сестрорецком оружейном заводе, 17 419 учебных и 1 142 969 боевых винтовок — на Ижевском оружейном заводе, 503 589 боевых винтовок (около 15 %) — на французском арсенале Шательро³⁰.

Таким образом, в результате изучения особенностей взаимодействия между русским Военным министерством и французским арсеналом Шательро во второй половине XIX в. можно сделать следующие выводы:

1. Передовое французское вооружение с давних пор вызывало интерес у представителей русской военно-технической мысли. В то же время и Россия интересовала ведущие оборонные предприятия Франции в качестве рынка сбыта своей продукции. Военно-технические контакты между странами активизировались сразу после окончания Крымской войны 1853—1856 гг.

2. Военно-политическая обстановка и состояние военной промышленности России стали причинами размещения заказа на изготовление части требуемых для русской армии винтовок Мосина на французском арсенале Шательро в 1892—1895 гг.

3. Закупка зарубежных производственных станков, изучение иностранных образцов оружия, изготовление русских военных заказов на заграничном предприятии, а также командировки иностранных специалистов на российские оружейные заводы способствовали активному обмену научно-техническим и производственно-технологическим опытом между Россией и Францией. Этот фактор положительным образом влиял на укрепление обороноспособности российского государства.

¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19374. Л. 1—3, 49—49 об.; ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1341. Л. 1—3, 5—6.

² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 664. Л. 1.

³ Там же. Л. 2–3.

⁴ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1565. Л. 1а.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 553. Л. 2–5 об.; ГАРФ. Ф. 973. Оп. 1. Д. 253. Л. 1–3; Чебышев В. Л. Оружейные заводы во Франции // Оружейный сборник. 1861. № 2. Отд. II. С. 1–36.

⁶ Дничков В. М. Военное хозяйство: сравнительное исследование положительных законодательств России, Франции, Пруссии, Австрии, Сардинии, Бельгии и Баварии. СПб.: типография Н. Деноткина, 1860. С. 307–311.

⁷ Ашурков В. Н. Русские оружейные заводы во второй половине XIX века. Очерки по истории государственной военной промышленности эпохи домонополистического капитализма. Ч. I. Ликвидация военно-крепостнического режима на оружейных заводах: дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.10 / Ашурков Вадим Николаевич. Тула, 1962. С. 102, 200; Сергиевский И. А. «Было бы полезным назначить для приёма оружия особых штаб-офицеров...». Формирование органов военной приёмки на российских оружейных заводах в середине XIX века // Военно-исторический журнал. 2018. № 6 (698). С. 36–41.

⁸ Архив Златоустовского городского округа. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 1745. Л. 1–2.

⁹ Там же. Л. 5–6.

¹⁰ Там же. Л. 7–10.

¹¹ Там же. Л. 11–12; Кавадеров А. Павел Матвеевич Обухов // Русская старина. 1905. Т. СХХIII. С. 41–88.

¹² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 6. Оп. 5/9. Д. 464. Л. 4–4 об.

¹³ Чумак Р. Н. 3-лн винтовка Мосина. История разработки и принятия на вооружение русской армии. СПб.: Атлант, 2017. С. 188–223.

¹⁴ Мавродин В. В., Мавродин Вал. В. Из истории отечественного оружия. Русская винтовка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. С. 151–152.

¹⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48351. Л. 44.

¹⁶ Крыжановский П. А. Воспоминания о П. С. Ванновском // Исторический вестник. 1910. Т. СХХ. С. 465–501.

¹⁷ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48351. Л. 41 об.

¹⁸ Ашурков В. Н. Русские оружейные заводы во второй половине XIX века. Ч. II. Л. 404.

¹⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48351. Л. 106, 163, 234, 285; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3016. Л. 394.

²⁰ Ашурков В. Н. С. И. Мосин — создатель русской винтовки (1849–1902). М.: Воениздат, 1951. С. 55–56; Челноков С. Мосин vs Nagant. Ч. III // Мастер ружья. 2007. № 125.

²¹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48351. Л. 16.

²² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2948. Л. 1–4 об.

²³ См. подробнее: Сергиевский И. А. Особенности производства и военной приёмки 3-линейной винтовки Мосина образца 1891 г. на французском заводе Шательро в 1894–1895 гг. // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2017. № 4 (99). С. 131–137.

²⁴ Lombard C. La manufacture nationale d'armes de Chatellerault (1819–1968). Poitiers: Brissaud, 1987. P. 120; РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 281. Л. 1–4.

²⁵ Чекалин А. «Царь-колокол» для Франции // Великая война. 1914–1918 гг. // Столетие. 06.10.2014 г. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/voyna_1914/carkolokol_dla_francii_383.htm (дата обращения 28.09.2019 г.); Россия и Франция:

союз интересов и союз сердец, 1891—1897 = *La russe et la france : L'union des intérêts et l'union des cœurs, 1981—1897*: рус.-фр. союз в дипломат. док., фот., рис., карикатурах, стихах, тостах и меню / И. С. Рыбаченок; Гос. арх. Рос. Федерации, Гос. ист. музей. М.: РОССПЭН, 2004. С. 156.

²⁶ ГАТО. Ф. 2245. Оп. 1. Д. 99. Л. 105—113; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3016. Л. 486—507.

²⁷ Там же. Д. 2948. Л. 22—27 об.

²⁸ Лещенко Ю. Н. Организация вооружения русской армии стрелковым оружием (конец XIX — начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Лещенко Юрий Николаевич. М., 2009. С. 131.

²⁹ Указанное в 2017 г. количество изготовленных в России и процент принятых в Шательро трехлинеек было менее точно, см. подробнее: Сергиевский И. А. Особенности производства и военной приемки 3-линейной винтовки Мосина образца 1891 г. на французском заводе Шательро в 1894—1895 гг. // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2017. № 4 (99). С. 131—137.

³⁰ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1224. Л. 97—98 об.